

Б И Б Л И О Т Е К А

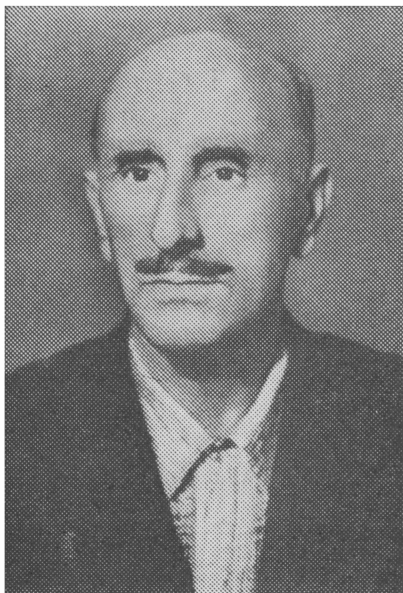
ISSN 0132—2095

ОГОНЁК

№ 51

1980

Исай ТОБОЛЬСКИЙ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ТРЕВОГА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 51

Исай ТОБОЛЬСКИЙ

ТРЕВОГА

СТИХИ И ПОЭМЫ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1980

Исай ТОБОЛЬСКИЙ

Исай Григорьевич Тобольский родился в Саратове 26 августа 1921 года. Первый сборник стихов издал, находясь в армии. С тех пор на родине поэта и в московских издательствах вышло более двадцати его книг, в том числе — «Джуба», «Родное», «Тревожный парус», «Путешествие к радуге», «Перевал», «Быть добру», «Время».

Произведения Исаия Тобольского публиковались на страницах «Правды», «Советской России», «Литературной газеты», «Литературной России», в журналах «Огонек», «Москва», «Волга», во многих других периодических изданиях.

Широкую известность принесли поэту публицистические поэмы «Исповедь» и «Середины нет», напечатанные впервые в «Огоньке».

Исай Тобольский — участник Великой Отечественной войны. Коммунист. Член Союза писателей СССР.

ДОЖДИ

Тучи в мае стояли грозные —
Грянут ливни, того и жди.
Но заладили несерьезные,
Кратковременные дожди.

В колеснице пророк прокатится,
Ненадолго упрячет синь,
Чтобы девочку в школьном платье
Мальчик рыцарски заслонил...

А в июне средь неба ясного,
В белый день заслепив глаза,
Сразу всю синеву сграбастала
И швырнула в огонь гроза.

И шагнули в порыве яростном
Те же мальчики в смертный бой
Под свинцовым дождем безжалостным,
Чтоб страну заслонить собой!..

Обелиски — на Волге, в Нальчике,
В Бресте, в Праге, в Крыму, в Орле...
До чего же вы жили, мальчики,
Кратковременно на земле!

ПИСЬМО

Давным-давно его на свете нет,
Того русоволосого солдата...
Письмо плутало тридцать с лишним лет
И все-таки дошло до адресата.

Размытые годами, как водой, —
От первой буквы до последней точки —
Метались и подпрыгивали строчки
Перед глазами женщины седой.

И память молчаливая вела
По ниточке надорванной и тонкой...
Она в письме была еще девчонкой,
Еще мечтой и песенкой была.

Он все сейчас в душе разворошил,
Как будто тихий стон ее услышал...
Муж закурил и осторожно вышел,
И сын куда-то сразу заспешил.

И вот она с письмом наедине.
Еще в письме он шутит и смеется.
Еще он жив... Еще он на войне...
Еще надежда есть, что он вернется...

ВТОРОЙ ЭШЕЛОН

Ушли мужики. Опустела деревня.
Детишки, да бабы, да три старика...
Ушли мужики. И с неделю, наверно,
Приписаны были к резерву полка.

Конечно, война... Но кого ни послушай:
Леса да болота, и фронт отдален...
И грешной надеждою тешили души
Резервные силы. Второй эшелон.

А ночью, в конце этой горькой недели,
Дорогу и к ним отыскала война.
Надвинули шапки. Шинели надели.
И сорок штыков насчитал старшина...

И был-то всего этот бой однодневным,
Едва ли и в сводке-то числился он...
Лежат мужики возле самой деревни.
Резервные силы. Второй эшелон.

ЕГОРУШКА

Егорушка, соколик светлый мой,
Сама дивлюсь — жива еще покуда...
Я столько лет ждала тебя домой,
Я столько лет надеялась на чудо.

Повырастали дети. Разбрелись.
Вчера опять во сне видала Гришу.
И Катерина снилась. И Борис...
Да что-то вот, родимый мой, не пишут.

Уж я и телеграммы... Нет, молчат.
А вдруг у них заботушки бедовы?
Мне только знать бы, что они здоровы,
Мне только бы услышать про внучат.

А ты вот, помню, даже из Ельца —
В таком аду, в таком огне и дыме —
И то не оставлял без письмеца:
«Вернусь», — писал. Да обманул, родимый.

Егорушка! Да что же я грешу,
Детей корю. Иль слов своих не слышу?
Они напишут. Как же не напишут...
Я потерплю...

* * *

Живут на свете вдовушки —
У них в кудрях головушки,
У них глаза бедовые,
У них уста медовые.
А есть на свете вдовы...
Они белоголовы.

БАЛЛАДА О СОЛДАТСКИХ КОСТЫЛЯХ

В пустом чулане возле самой двери
Который год дряхлеют костыли.
Который год... А старая не верит
И никому их трогать не велит.

Придет тайком, теплом на них подышит,
Прикрыв глаза, прижмется к ним щекой
И застарелый след его подмышек
Поглаживает сморщенной рукой.

Пожизненная, вечная разлука,
И с каждым годом сердцу тяжелей...
Не скрыться, не упрятаться от стука,
От стонущего скрипа костылей.

Пойдет ли в лес, внучатам потакая,
Бессонным часом нянчит ли внучат, —
А костыли стучат, не умолкая,
И день и ночь — который год стучат...

СКАЗАНИЕ О МАТЕРИНСКОМ СЕРДЦЕ

Возле той же стены, где покоится Ленин,
Где столпились века на безмолвный парад —
В самом сердце Москвы, посредине Вселенной,
Положили тебя, Неизвестный солдат...

...Не понять, по каким угадала приметам:
Ни чужим, ни родным, ни Петровне самой.
Но когда от людей услышала об этом,
Так и дрогнуло сердце и екнуло: «Мой...»

Собрала узелок немудреный в дорогу,
Пирогов про запас напекла старику.
Помолилась еще не забытому богу
И поехала старая. К сыну, в Москву.

Едет в горестный путь Евдокия Петровна,
Едет вечер, и ночь, и без малого день.
До чего же родная Россия огромна,
Если столько на тысячу верст деревень.

Да чего деревень! Городов не запомнит.
А лесов-то, а рек, а мостов-то вокруг!
Показались, как сон, эти сутки Петровне —
И столица огнями прихлынула вдруг.

Вышла вместе с людьми. Постояла немного.
Огляделась. Укутала плечи платком.

Узелок свой взяла, расспросила дорогу.
И пошла, как и ходят к могилам, пешком...

Вот и площадь. Солдаты застыли безмолвно.
Словно заревом, камень гранитный обьят.
И глядит и глядит Евдокия Петровна
На огонь и на замерших свято солдат.

И ведь надо — один на сыночка похожий,
И другой-то лицом, как из близкой родни.
Только вроде немножко они помоложе.
Да и ростом, пожалуй, повыше они...

И как будто почувствовав сердцем до боли
Чей-то горестный, чей-то задумчивый взгляд,
Обернулась Петровна... Старушка — поодаль.
С узелочком. И тоже глядит на солдат.

Подошла, семеня, к Евдокии Петровне,
Помолчала, вздохнула. И молвила ей:
— Вот, пришла навестить. Здесь мой сын похоронен.
Только разве поверят. А мне-то видней.

Материнское сердце — оно не обманет,
И людская молва не указка ему.
Только кто же об этом расспрашивать станет?
Да ведь я и сама не скажу никому...

И ушла. Словно что-то поняв, спохватилась.
А Петровна, к ногам уронив узелок,
К той плите, как к сыновней щеке, прислонилась
И чуть слышно промолвила: — Здравствуй, сынок...

*
*
*

Когда прильну, бывало, к маме,
Глотая слезы неудач,
Она осушит их губами
И скажет ласково: — Не плачь.

Не плачь, сынок, себе дороже.
Вот скоро вырастешь, поймешь:

Слезам горю не поможешь,
Слезам горя не уймешь...

Те годы смыло, как водою,
И я все реже в них гляжу.
Но и теперь с любой бедою
Опять я к маме прихожу.

И мама робко привечает:
— Сынок, ты горюшка не прячь,
А ты поплачь — и полегчает.
Ты не стесняйся... Ты поплачь.

МАТЬ

Было нас у мамы только двое:
Я да брат... Теперь Алешки нет.
Далеко за Одером рекою
Встретил он последний свой рассвет.

Мы росли за городом, в подвале,
Два почти бездомных сорванца,
В очередь ушанку надевали —
Все, что нам осталось от отца.

Год за годом трудно и упрямо,
Из последних сил спасая дом,
Хлеб насущный добывала мама,
Как в народе молвится горбом.

Все мечтала выспаться, бывало.
Но когда ей, маме, было спать,
Если в пять на фабрику вставала,
А с работы в люди шла стирать.

Так и жили... Чугунок с картошкой
Под замком в чулане берегли.
Чтобы с голодухи мы с Алешкой
Съесть ее до срока не могли.

Так и жили... Разве все расскажешь!
Вырастила нас. А тут — война...
До сих пор мне страшно вспомнить даже
Маму у вагонного окна.

Я пришел домой из-под Варшавы.
Раненый. Почти полуживой...
За пятнадцать верст носила травы.
Вылечила, веря, что травой...

Вы о ней не знали б и доньне,
Если б не решился рассказать —
Никакая ведь не героиня,
Просто мама... Старенькая мать.

Вот она лежит. Притихли внуки.
Словно спит и думает о нас.
В первый раз сложив спокойно руки,
Да и то уже в последний раз...

КАЛАЧ

Зимою, под открытым небом,
А был морозище — хоть плачь,
Я простоял всю ночь за хлебом,
Давали к празднику калач.

Я, как репей, прилип к соседке
И, разжимая кулачки,
Все пересчитывал монетки —
Двугривенные, пятачки.

И все мечтал: вернется мама,
Придет голодная с ночной,
А перед ней, как в сказке прямо,
Калач... Калач, добытый мной!

Я ждал. Я верил и не верил.
Не думал больше ни о чем...
И вдруг меня втолкнули в двери.
И вытолкнули... С калачом!

«Нет, это маме. Это маме!» —
Не то шепчу, не то кричу.
А пальцы сами, пальцы сами
Невольно лезут к калачу.

Сжимаю судорожно руки,
Но душит сладкая слюна.

И вдруг я обмер... От краюхи
Осталась корочка одна.

Я никогда не плакал в драках,
Хотя немало их видал,
А вот тогда я шел и плакал
И, плача, корку доедал...

ГЛАЗА

Я навсегда запомнил эту фразу,
Хоть и не помню, кто ее сказал:
Не могут быть красивыми глаза,
Которые не плакали ни разу!

ТРЕВОГА

Куда ни глянешь —
Дети, дети, дети.
Все человечество
За них в ответе.

Но по ночам
На всех материках
Ворочаются бомбы
В тайниках.

Их столько
Накопилось на планете —
Земля под ними
Стала провисать...
Куда их только
Думают бросать?!
Куда ни бросишь —
Дети, дети, дети!..

ЭТЮД

Хлопочет мать.
Все в сборе за столом.

Завечерело.
Дождь стучит по крыше.

А в горнице,
Пронизанной теплом,
Румяный хлеб
В лицо детишкам дышит...

ВНУЧКА

Все на свете внушки — почемуки,
Вот и мне отбоя нет от внучки:
— Дедушка, ты тоже воевал?
Дедушка, ты тоже убивал?
Убивал? — не отстает она...
...Будь ты трижды проклята, война!

КОНДРАТИЙ РЫЛЕЕВ

Закончена недобрая работа,
Укрытая от глаз ночью мглой...
Как мирно пахнут терпкою смолой
Неструганные доски эшафота.

Сырые клочья черных облаков.
Остался час — не больше — до рассвета.
Нет времени для жизни у поэта,
Но целый час в запасе для стихов.

Есть целый час!.. Торопится перо,
И в сердце песнь последняя клокочет,
С которой против зла пойдет добро
И гневные мечи свои наточит.

Спешит поэт. Он слышит голоса.
Сейчас палач нагрянет за поэтом.
Но некогда раздумывать об этом.
Нет времени... Осталось полчаса!..

ПРОЩАНИЕ

И жизнь одна, и смерть одна,
Как ты сказал когда-то,
Но не посмела и война
Убить певца-солдата.

Он в мирный день пришел — черед
Расстаться с белым светом.
И вот прощается народ
С тобой — своим Поэтом.

Пришли к тебе издалека
С печалью неприкрытой
Сыны и внуки Моргунка
И правнуки Никиты.

У изголовья, как прирос,
В солдатской гимнастерке,
Седым-седой, не пряча слез,
Притих Василий Теркин.

Глотая горькие слова,
Давясь тоской и гневом,
Пришла к тебе и та вдова,
Чей муж убит под Ржевом.

Пришли незримо земляки
Толпою небывалой —
Детишки, бабы, мужики,
Бойцы и генералы.

Не кто-нибудь, а сам народ
Прощается с Поэтом...
Не в срок подкрался твой черед
Расстаться с белым светом.

Но жизнь одна, и смерть одна,
Как сказано не мною...
За далью даль видным-видна
Над всей твоей страною.

ВЕЧНОСТЬ

Звезда скатилась, прошуршав,
И ночь звезду смахнула...
Вот и еще одна душа
В последний раз вздохнула.

Но в мире в тот же самый миг,
Святой и молчаливый,
Возник младенца первый крик
И женский стон счастливый...

ЖИЗНЬ

По дороге встретилась беда.
Я в сторонку — и она туда.

— Ты куда идешь? — беда спросила.
— Так я и сказал тебе — куда!..
И тогда глаза скосив спесиво,
Рядышком пристроилась беда.

— Уходи! — приказываю властно,
Прочь гоню упрямую беду.
А беда свое: — Не спорь напрасно,
Все равно я рядышком пойду...

КРАСКИ

В детстве все мы умели,
В детстве краски бесспорны:
Белый цвет — это белый,
Черный цвет — это черный.

Но растем-вырастаем,
Убегаем от сказки
И вовсю начинаем
Перемешивать краски.

И по высшей оценке,
Как ни горестно это,

Ценим чаще оттенки,
Чем достоинство цвета.

Как их много на свете,
Оттенков различных...
Поделились бы, дети,
Вашим опытом личным.

Вы ж, как боги, умелы,
Ваши краски бесспорны...
Белый цвет — это белый,
Черный цвет — это черный!

ДВА СОВЕТА

До самой смерти помни два совета:
Ты так гляди на звонкий луч рассвета,
На облако, на пламень женских глаз,
На хлеб, на соль, на таинство букета,—
Ты так гляди, как будто видишь это
Впервые в жизни! В самый первый раз!

Другой совет мудрей того совета:
Ты так гляди на звонкий луч рассвета,
На облако, на пламень женских глаз,
На хлеб, на соль, на таинство букета,—
Ты так гляди, как будто видишь это...
В последний раз!

ДОРОГА

Уступи дорогу старику —
Вдумайся и ты поймешь, ей-богу,
Что ему осталось на веку
Только уступать другим дорогу...
Уступи дорогу старику!

Уступи дорогу малышу —
Так еще длинна его дорога,
Так еще он сделать должен много!
Потому об этом и прошу...
Уступи дорогу малышу!

Женщине дорогу уступи
Потому что в жизни все дороги —
Сколько ты разлук ни накопи —
С женской начинаются тревоги...
Женщине дорогу уступи!

УТРО

Под темным лиственным навесом,
От всех тропинок вдалеке,
Шла женщина безлюдным лесом
С зеленой веточкой в руке.

Шла женщина... И луч рассвета
Скользил по зябкому плечу.
Откуда шла — не важно это,
Гадать об этом не хочу.

Шла женщина и вся светилась
И так зарей дышала всласть,
Как будто росами умылась,
Как будто солнце напилась!

* * *

Ночь отдавала дань покою,
Едва ворочая волну.
И вдруг над дремлющей рекою
Толкнула песня тишину.

Почти неслышимый вначале,
Выплескиваясь из души,
Как робкий вздох самой печали,
Плыл голос женщины в тиши.

Он звал к себе, он сердцу вторил
И замирал, лишенный сил.
Как будто тихо с кем-то спорил,
Молил кого-то и просил.

Но мне казалось, был он слышен
От неба до речного дна.
А пела женщина все тише,
Все тише плакала она...

ОСТРОВОК

Весь звездный свиток был размотан,
И, как заблудшая душа,
Луна всю ночь искала что-то
В притихших дебрях камыша.

Мерцала тропка золотая,
Расстеленная по волнам.
Был островок необитаем
В ту ночь, отпущенную нам.

А утром, руки запрокинув
И дерзко в солнце поглядев,
Ты, как счастливая богиня,
Пошла к пылающей воде.

Нет, ты не шла, а ты летела,
Как будто силой молодой
Свое ликующее тело
Хотела вскинуть над водой.

И взгляда грешного не пряча,
Вдруг вырастала из воды...
И влажных ног твоих следы
Дымились на траве горячей.

МОЛЧАНИЕ

Зачем ты облагаешь данью
Ее высокий приговор?
Не требуй слов. Поверь молчанью.
Пойми безмолвный разговор.

Не затевай переполох,
Прислушайся к молчанью снова...
Неуловимый женский вздох
Правдивее любого слова!

НАДЕЖДА

Я оступился... Пропасть глубока.
Мне самому не выбраться отсюда.

И только ты свершить способна чудо.
Я жду. Я верю... Где твоя рука?!

ВЕРШИНЫ

На то и бывают мужчины,
Чтоб не было тайн у вершин.
На то и бывают вершины,
Чтоб не было робких мужчин.

На то и суровы дороги,
Чтоб мы не сбивались с дорог.
На то и внезапны тревоги,
Чтоб мы не боялись тревог.

На то и крепки наши руки,
Чтоб нас не страшили дела...
На то и бывают разлуки,
Чтоб верность на свете жила!

ВЕРНОСТЬ

И ночь, и день, и снова ночь и день —
Сквозь бурелом, по замкнутому кругу,
Плутал смертельно раненный олень
И за собою вел свою подругу.

Тревожно вскинув звонкие рога,
Почти забыв, что грудь его пробита,
Глотая хрип, сбивая в кровь копыта,
Он вводил подругу от врага.

Он молча падал. И опять вставал.
И долго слушал чуткими ноздрями
Железный запах близкого ствола,
Который где-то за ветвями замер...

Упало небо! И, скрестив пути,
Две молнии закат перехлестнули.
Олень рванулся... И перехватил
Летающие в его подругу пули.

Качнулись, вздрогнув, гордые рога
И рухнули под зябкою сосною.
И долго-долго, споря с тишиною,
Металось эхо, падая в снега...

* * *

Моя звезда еще на небосводе,
И пусть далек неведомый черед —
Она все ближе к той черте подходит,
Откуда в бездну ночи упадет.

И угасая в сумраке лиловом,
Прощальный луч скользнет неуловим.
Я захлебнусь последним в жизни словом...
То слово будет именем твоим!

СЧАСТЬЕ

Такая в поле благодать —
И тишины и солнца вдоволь.
И женщина свернула в поле —
Ребенка перепеленать.

Он сразу грудь ее нашел
И смолк, довольный белым светом.
И так ей стало хорошо
И безмятежно в поле этом,

Что женщина, глаза смежив
И песенку воркуя сыну,
Вдруг задремала с ним во ржи,
В колосья косы запрокинув.

Одним дыханьем — мать и сын —
Они дышали... И казалось,
Что к ним не только рожь прижалась,
А вся земля прижалась к ним.

И если вдуматься — земле
Другого счастья и не надо...
Да будут в жизни вечно рядом
Ребенок, Женщина и Хлеб!

ПОЭМЫ

ИСПОВЕДЬ

Пролог

Давится слово слюною кровавой,
Сердце кричит, а язык сведен.
Справа и слева, слева и справа
Тысячеустый кипящий стон.

— Голда!..
— Елена!..
— Иржина!..
— Илюха!..
— Ма-а-ма-а! — захлебывается малыш.
Волосы рвет, обезумев старуха:
— Где ж ты, всевышний?! Куда ты глядишь?..

Черное небо изодрано в клочья.
И даже в разверзшихся облаках
Плещется, мечется, болью клокочет
Стон о двенадцати языках!

Криками ужаса, ревом моторов,
Кованым топотом черных сапог,
Лаем овчарок, лязгом затворов —
Кровью и смертью полон пролог.

Все это было. Все это было.
Все это знаю совсем не из книг.
Память моя ничего не забыла,
К прошлому память ведет напрямик.

Вот они — им не вернуться отсюда —
Ошеломленно глотают слова,
Все еще веря в какое-то чудо
Даже над пропастью этого рва.

Вот их сгоняют, прикладами сгрудив,
Вот их торопят жгутами плетей.
Чуда не будет. Чуда не будет.
Матери глохнут от крика детей.

Вслушайтесь, люди двадцатого века,
Это забыть не дано никому!

— Как тебя звать-то, молодка?

— Ревекка...

— Дочка?

— Сынишка...

— Возьми-ка ему.

— Что вы, спасибо... Не надо, поверьте.

Он еще капелька. Сосунок.

— Все уж одно... А пускай перед смертью
Хлебца отведаст твой сынок...

Сердцем и разумом вдумайся в это,
Каждое слово в душе повтори!

— Как же зовут вас?

— Зачем тебе это...

Звали, голубушка! Дарьей... Бери!..

...Целиться незачем, цель близка.
Вспыхнуло пятнышко возле соска.

Рук не разжав, чтоб не выпал ребенок,
Замертво падает мать на песок.

С плачем, выпутываясь из пеленок,
Ловит ребенок губами сосок.

А из соска два ручейка —
Крови и теплого молока...

Все это было. Все это было.
Только страшней, чем поведать смог.
Память моя ничего не забыла,
Но все невозможно вместить в пролог!

Все это было. Все это было.
Память моя ничего не забыла,
Совесьть моя ничего не забыла!
В судьби беру Справедливость и Честь...

Я рассказал вам о том, что было.
И я расскажу вам о том, что есть...

Глава первая

Справа и слева, слева и справа,
Из каждого рта, а язык сведен:

— Облава!
— Облава!
— Облава!!
— Облава!!!

Тысячеустый арабский стон...

...Пламенем домны ветер пустыни.
Только песок — ни воды, ни дорог.
Птица здесь в полдень гнезда не покинет,
Чтобы от зноя не рухнуть в песок.

Выдохлись люди. А полдень ближе.
Сердце набухло и затекло.
Губы от жажды и то не оближешь,
Словно во рту не песок, а стекло.

Падает мать... Несмышленный комочек
Тычется в мамину грудь кулачком...
— Что мне поделать с тобою, сыночек,
Выпило горе твое молочко.
Видно, аллах наш разгневался тоже.
Хоть бы водички каплю одну...

Кто здесь услышит и кто здесь поможет,
Если здесь каждый в таком же плену!

Вот она, самая страшная пытка,—
Даже привстать не помогут тебе.
В сторону шаг — это к бегству попытка,
В сторону два — означает побег.

Все это было. Все это было.
Снова мне видится киевский ров...

Что ты надумал, трусливый громила,
Что натворить ты, безумец, готов?..

Вслушайся: дышит возмездием гетто,
Гневом кровавым гудит Иордан.
Что тебе сделала женщина эта?
Ты и в гробу не уйдешь от ответа!
Есть еще время! Опомнись, Натан!..

Память! Неужто того человека
Ты воскрешаешь в лице палача?..
Мертвая, вскрикни в могиле, Ревекка!
Мертвого сына заставь закричать!

Чтобы убийца от ужаса замер,
Чтобы не смог даже спрятать лица,
Видя, как мертвыми смотрит глазами
Сын на него, на живого отца!

Я еще тоже не верю... Не верю...
Вот он подходит. Ревекка, спешి.
Прахом глаза ошалелому зверю —
Собственным прахом! — запороши.

...Выстрел! И тонкая, как волосок,
Струйка впивается в жадный песок...

Глава вторая

В тот горький час, когда моя Россия
По именам окликнула солдат, —
Не за Христа и не за Моисея
Ушли сражаться я и младший брат.

Под Курском, возле огненной дуги,
Мой брат Давид остался без ноги.

А время шло и вновь перебирало
Всех, кто случайно смертью был забыт...
Семнадцать лет в нем пуля остывала,
Семнадцать лет не знал он, что убил!

Он честно жил и умер, как солдат...
Нет, он не умер — он погиб, мой брат!

Но, если правду молвить без обиды,
Не прячась за наигранную ложь, —
В моем роду не только есть Давиды,
И никуда от правды не уйдешь!

Глава третья

Скажи, Натан, ты помнишь или нет
Клыки овчарок возле самой глотки,

Глоток воды, который взмахом плетки
Эсэсовец выплескивал в кювет?!

Скажи, Натан, ты помнишь или нет,
Как волокли баграми из барakov
Еще живых и ты кричал и плакал,
Проваливаясь в мутный полубред?!

Скажи, Натан, ты помнишь или нет,
Как на снегу лежали штабелями
Живые попережку с мертвецами
И ты меж них — почти полускелет?!

Скажи, Натан, ты помнишь или нет,
Как днем и ночью полыхали печи
И дым, пропахший мясом человеческим,
Вычерчивал кроваво-черный след?!

Скажи, Натан, ты помнишь или нет,
Кто вытащил тебя почти из пепла?!
Иль вправду память у тебя ослепла?
Ответь, Натан! Мне нужен твой ответ!

Молчишь, Натан... Но по твоим глазам
Я и за тыщу верст тебя примечу.
Молчишь, Натан... Тогда я сам отвечу.
Я все тебе сейчас напомним сам...

Глава четвертая

Я свой рассказ начну неторопливо
С того — ты знаешь сам, с какого — дня.
И ни в каких притонах Тель-Авива
Тебе, Натан, не скрыться от меня.
Не спрятаться. Ничем не заслониться.
Твоя дорога к дому сожжена...

Мне до сих пор еще Ревекка снится —
Моя сестренка, а твоя жена.

И до сих пор мерещится мне снова,
Как смертным криком душу теребя,
Твой сын, еще не зная ни полслова,
Зовет на помощь именно тебя!

А ты, Натан, в те самые мгновенья
В подвале, как затравленный сурок,
Размазав слезы, ползал на коленях,
Губами тычась в кованый сапог.

Ты рассчитал, трусливый сын раввина,
Что прятаться сподручней одному,
И бросил мать, отца, жену и сына
В еще своем, не отданном дому.

Когда, окровавленные, в овраге
Они лежали, корчась и крича,
Ты брел дисциплинированно в лагерь,
Послушный полувзгляду палача.

Да, говорю до боли откровенно.
Чего таить невысказанный крик?
Идти на смерть покорно и смиренно —
И для калеки подвиг невелик.

А ты вот шел во здравии и силе,
За чьи-то спины прячась, как баран.
И не к одной довременной могиле
Причастен ты бездействием, Натан!

Я не хочу догадываться даже,
Какой ценой ты шкуру уберег
В той преисподней, где и на продаже
Не каждый бы три года выжить смог.

А ты вот выжил. И дождался чуда.
В тот день, когда, считай, ты был в гробу,
Тебя на волю вытащил оттуда
Скворцов Иван на собственном горбу.

Четыре года в дикой круговерти,
И слыхом не слыхавший о тебе,
Он шел, чтобы спасти тебя от смерти,
Почти забыв о собственной судьбе.

А та судьба была войною смята.
Убили Дарью. Затерялся сын...
Четыре брата было у солдата,
Из пятерых остался он один.

И то с войны вернулся инвалидом,
Как молвится, без званий и наград...
В одном полку служил Иван с Давидом,
В одной земле теперь они лежат...

Я о тебе с тех пор не слышал больше,
Я только знал, что ты остался жив
И через месяц оказался в Польше,
А через два — смотался в Тель-Авив...

И вот опять негаданно-нежданно
Воскресшим гневом сжатая рука
Выводит имя Вейцеля Натана —
Капрала резервистского полка...

Глава пятая

Я бы тоже отмолчаться мог
И о чем-нибудь трезвонить браво.
Но в такое время, видит бог,
Я на это не имею права!

Это право совесть отняла.
Вот опять тревожная газета.
Снова неотложные дела
Требуют вмешательства поэта.

Где-то вновь предвестником беды
Багровеет сумрачное небо.
Где-то людям не хватает хлеба,
Где-то умирают без воды.

Где-то кровью залиты поля,
Где-то кровли рушатся... И дети
Гибнут на захваленной планете,
Окрещенной именем Земля!

Слышите предсмертный крик в ночи?!
Даже в страшном гуле не пропал он.
Это, опаленная напалмом,
Девочка ослепшая кричит!

Девочка кричит!.. А в тишине,
Хитрых слов и жестов не жалея,

Ловкачи о мире и войне
Разглагольствуют на ассамблеях!

Вот он, тель-авивский дипломат,
Мастер закулисных махинаций.
Он сидит — как дома не сидят —
За столом Объединенных Наций!

То медовым голосом журчит,
То рычит, от злобы багровея,
Ржавые библейские ключи
Тыча в душу каждого еврея.

Хочет доказать, что мы родня,
Даже я и Ротшильд — побратимы
И друг другу так необходимы,
Что не может Ротшильд без меня!

«Все мы братья! — заклиняет он. —
Все мы дети, избранные богом.
По каким бы мы ни шли дорогам,
Путь к Синаю богом осенен...»

До чего ж пронырлив и хитер!
Но известно всем, по чьей указке
Он заводит этот разговор,
Древние рассказывая сказки.

Неспроста, меняя только тон,
Но почти мотива не меняя,
Подпевают Бонн и Вашингтон
Новоявленным отцам Синая.

Их любовь понятна и ясна.
Неспроста поклонникам не спится:
Нефть — она и Ротшильдам нужна,
Нефть — она и фюрерам годится.

«Рад бы в рай», — вздыхает сатана.
Так и им вздыхать придется тоже.
Отошли в былое времена
Всяких перекроек и дележек!

Если мир по библии делить,
По корану или по завету, —

Самому Христу и Магомету
Не прийти к единому ответу:
Где, кому и с кем в соседстве жить!..

Эпилог

Притих тревожно древний Иордан.
Грустит вода. Безмолвье чутко стынет.
Усталых звезд бесшумный караван
Кочует над полуночной пустыней.

Ни шороха. Еще далек рассвет.
Но тишина обманчива в тумане.
Не прозевай, не прогляди, Ахмет,
Иначе враг тебя опять обманет.

Там, на другом — коварном — берегу,
Где тоже кто-то смотрит зорким глазом,
Твой дом остался, отданный врагу,
Который ты вернуть теперь обязан!

Я верю, знаю: скоро грянет срок
Неотвратимой мести и расплаты...
Уходят в ночь неслышные солдаты
По тайным тропам огненных дорог.

Сейчас в ночи прошелестит ракета
И рухнет тьма. И вздрогнет Иордан.
Пока еще не видишь ты Ахмета,
Но он идет... Одумайся, Натан!

Еще ты жив, и молишься беспечно,
И взятые считаешь рубежи.
Еще ты веришь, что тебе навечно
Отныне дом чужой принадлежит...

И до тебя любители удачи
Осваивали жизненный простор.
Попомни слово: ты еще поплачешь,
С тобой еще не кончен разговор!
Взгляни!

Возмездье
целится
в упор!..

СЕРЕДИНЫ НЕТ

В кармане виза. Связаны манатки
И пасквилей бумажная гора.
Ты столько лет
Играл с Россией в прятки...
Подбит итог. Окончена игра.

Подбит итог на самой крупной ставке.
На будущем. На чести. На судьбе.
И звание гражданина даже в справке
Отныне не положено тебе.

И хватит возле отчего порога
Притворно разглагольствовать о том,
Что родина у каждого от бога...
Таким, как ты, не дорог отчий дом.

К любой норе, к любой чужой берлоге
Приладится безродная душа,
Умеющая плакаться о боге,
А верить только богу барыша.

Ну что ж, беги! Никто не держит силой.
Как говорится, рыбаку видней...
Но только знай и помни до могилы,
До гроба помни, до скончанья дней:

На эту землю и на это небо,
На эти реки, нивы и леса,
На всю Россию — от росы до хлеба —
Свои права перечеркнул ты сам!

Наш грозный век на стыке всех ветров,
Где может даже вдоль родного дома
Пройти внезапно линия разлома,
Незримая граница двух миров...

...Невыносим застрявший в горле крик,
Упрятанная боль невыносима.
Привстал. Качнулся. Сделал шаг старик
И помертвел. И замер возле сына.

И вот они стоят лицом к лицу...
Не доведись ни одному отцу,
Захлебываясь горем и позором,
В последний раз ошеломленным взором
Смотреть в глаза и в душу беглецу.

Забыть, что это сын перед тобой,
Тот самый мальчик выросший... который
Все годы слыл надеждой и судьбой
И был обязан стать твоей опорой.

Где проглядел?
Он так же рос, как все...
Да, так же рос, но жил совсем иначе.
Нашармачка выуживал удачи,
Кантуясь на нейтральной полосе.

Он удирал, коль вспыхивала драка —
Боялась крови робкая душа.
Но если кто-то после драки плакал,
Он непременно первый утешал.

Чужой обиды распалая гнев,
И здесь был верен подлому прицелу:
Хитри, ловчи, сбавляй другому цену,
Всех ссравливай — и будешь на коне!

Быть только первым! Только на виду!..
Когда другим, как в бочке, было тесно —
И то он добывал такое место,
Чтоб только в первом восседать ряду!

Ох, первый ряд, где впрямь с местами туго.
И до сих пор такие норовят
По контрамаркам, а не по заслугам
Любой ценой пробиться в этот ряд.

Им безразлично: богу ли молиться,
Прислуживать ли дьяволу в аду.
Им только быть бы притчей во языцех
И только бы маячить на виду!

Я суд вершу! Мой правый гнев не стынет.
Еще не все сказал я о тебе —
О беглеце, не знающем святыни,
О подлеце, которому отныне,
Как смертный грех, зачислится побег!..

Ты предал хлеб, которым был ты вскормлен.
Ты предал дом. А дом тебя взрастил.
Ты предал память — даже мать не вспомнил.
Последний долг — и тот не уплатил.

Она сегодня вправе из могилы
Прижизненный продолжить разговор
И, проклиная этот час постылый,
В последний раз
Спросить тебя в упор:

«Какую правду ищешь ты, сынок?
Чего забыл ты под чужою крышей?..»
Она ответа, к счастью, не услышит.
Да и ответа дать бы ты не смог.

Ты тешил душу в киснущем болоте,
В трухлявой сплетне на чужой волне,
В трусливеньком приبلудном анекдоте,
В заморского пошиба болтовне.

В бессильной злобе истину пиная,
Страшась людей, искал болотный брод...

А наша правда на земле иная!
А наша правда — вся земля родная,
Ее свобода, совесть и народ!

На эту землю и на это небо,
На эти реки, нивы и леса,
На всю Россию — от росы до хлеба —
Свои права перечеркнул ты сам.

Перечеркнул. И нет тебе возврата.
Подбит итог. Прощения не жди.
Все позади... А впереди расплата,
Безродная дорога впереди...

...Наш грозный век. На гребнях двух плотин.
 Добро и зло глядят в глаза друг другу.
 Какой ценой покою ни плати —
 От поединка не забиться в угол.

Ты можешь затаиться в тишине,
 Упрятаться в залюстренной квартире,
 Но все равно от века в стороне
 Не отсидеться в этом бурном мире.

На самой лучшей из всех планет
 Любой из нас за каждый шаг в ответе.
 Два рубежа на этом грешном свете.
 Два рубежа!.. И — середины нет!

СОДЕРЖАНИЕ

Дожди	3
Письмо	3
Второй эшелон	4
Егорушка	5
«Живут на свете вдовушки...»	5
Баллада о солдатских костылях	5
Сказание о материнском сердце	6
«Когда прильну, бывало, к маме...»	7
Мать	8
Калач	9
Глаза	10
Тревога	10
Этюд	10
Внучка	11
Кондратий Рылеев	11
Прощание	12
Вечность	13
Жизнь	13
Краски	13
Два совета	14
Дорога	14

Утро	15
«Ночь отдавала дань покою...»	15
Островок	16
Молчание	16
Надежда	16
Вершины	17
Верность	17
«Моя звезда...»	18
Счастье	18

ПОЭМЫ

Исповедь	19
Середины нет	28

Исай Григорьевич Тобольский

ТРЕВОГА

Редактор М. М. Жигалова.

Технический редактор Е. Н. Щукина.

Сдано в набор 31.10.80. Подписано к печати 22.01.81. А 00319.
 Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Новогазетная».
 Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,47.
 Тираж 100 000 экз. Изд. № 309. Зак. № 3253. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
 газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865; ГСП, Москва. А-137,
 ул. «Правды», 24.

Цена 15 коп.

Индекс 70668

ТОВАРИЩИ КНИГОЛЮБЫ!

Книгу можно не только купить, но и приобрести по выигрышному билету Всероссийской книжной лотереи. Стоимость билета 25 копеек, а сумма выигрышей от 50 копеек до 5 рублей.

На каждые 200 билетов—69 выигрышных.

По выигрышному билету можно получить книгу или другие товары по своему выбору из ассортимента любого книжного магазина или киоска на территории РСФСР. Участвуйте в розыгрыше билетов Всероссийской книжной лотереи!

Дирекция Всероссийской книжной лотереи

